

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕТАФИЗИЧЕСКИХ РАБОТ А.Л. ЧИЖЕВСКОГО

Аннотация. Предметом исследования настоящей статьи являются философско-антропологические воззрения Чижевского, отраженные в двух его собственно метафизических трудах, один из которых называется «Основное начало мироздания. Система космоса. Проблемы», а второй — «Электронная теория и генезис форм. Проблема». Большое внимание уделено не только общей характеристике обозначенных работ и реконструкции философских представлений Александра Леонидовича о человеке, но и указанию на контексты, в коих они могут быть задействованы, постановке вопросов, возникающих при их осмыслении. Исследование философско-антропологических взглядов Чижевского осуществляется с учетом того обстоятельства, что его творчество принадлежит к традиции русского космизма, дабы продемонстрировать как «вписанность» идей «Леонардо да Винчи XX века» в рамки определенного течения мысли, так и своеобразии последних.

При написании работы использовались следующие методы: анализ текстовых источников (в том числе рукописей фонда 1703 Архива Академии Наук Российской Федерации), сравнение, анализ, синтез, индукция и дедукция, классификация, обобщение, исторический метод.

Научная новизна исследования заключается, прежде всего, в реконструкции философско-антропологических воззрений Чижевского, содержащихся в тех работах космиста, где он выступает преимущественно как мыслитель, а также указании коннотаций и проблем, коими чреватые соответствующие воззрения. На основании того, что метафизические представления Александра Леонидовича о человеке являются частью его пусть не совсем систематизированной философии, мировоззрения, которое повлияло на творчество космиста в целом, делается вывод о необходимости ознакомления с ними для адекватной оценки культурного наследия «Леонардо да Винчи XX века».

Ключевые слова: Чижевский, философия, космизм, философская антропология, монизм, электронная теория, Палингенезис, холизм, разум, эволюция.

Творчество и личность Александра Леонидовича Чижевского привлекают внимание исследователей, представляющих самые различные области знания. Это объясняется в первую очередь исключительной многогранностью культурного наследия, которое оставил нам «Леонардо да Винчи XX века», сочетавший в своем лице физика, биолога, историка, психолога, философа, поэта, художника, музыканта.

Настоящая статья являет собой попытку реконструировать метафизические представления Чижевского о человеке, отраженные в тех работах, где Александр Леонидович выступает, прежде всего, как мыслитель, а также хотя бы частично за-

тронуть контексты, в коих данные представления могут быть задействованы.

Необходимость изучения философского наследия космиста обусловлена тем, что именно философия является систематизированным мировоззрением, а главное, что характеризует творчество Чижевского в целом, это мировоззрение; без ознакомления с метафизикой «Леонардо да Винчи XX века» мы не сможем понять его в полной мере ни как ученого, ни как деятеля искусства. Недаром, оценивая личность Александра Леонидовича, академик Д.И. Блохинцев утверждал, что «необходимой и неотъемлемой чертой» его «были не столько успехи в той или иной науке, а скорее создание мировоззрения. Наука, поэзия, искусство — все это

должно было быть лишь частью души великого гуманиста и его деятельности»¹.

Об актуальности же исследования именно антропологических аспектов метафизики Чижевского можно судить исходя из востребованности космистских представлений о человеке и человечестве в условиях современности² и положения вещей, о котором говорит исследователь трудов Александра Леонидовича М.Л. Захаров: «Одним из ярких представителей русского космизма, обращавшихся к данной проблеме³, был русский ученый и философ А.Л. Чижевский, многогранное творческое наследие которого еще ждет глубокого всестороннего изучения. Довольно обширная литература, посвященная его философскому наследию, освещает в основном методологические подходы ученого, концепции солнечно-земных связей и исторического процесса. В то же время антропологические и антропокосмические воззрения мыслителя пока еще не стали объектом научного интереса историков философии»⁴. Постараемся исправить это упущение, которое автор вышеприведенной цитаты, правда, пытался ликвидировать, но сделал это лишь в самом общем виде.

К сожалению, на сегодняшний день есть возможность ознакомиться всего с двумя собственно философскими трудами Александра Леонидовича: один из них называется «Основное начало мироздания. Система космоса. Проблемы» (1920-1921)⁵, а второй — «Электронная теория и генезис форм.

Проблема» (написан в то же время). Оба названных сочинения доступны в виде рукописей и хранятся в фонде 1703 Архива Академии Наук Российской Федерации, большинство исследователей обращается к данным документам.

Однако «Основное начало мироздания» опубликовано также в двух номерах журнала «Духовное созерцание» (за январь-февраль и март-апрель 1997 г.), в «зимнем» номере можно к тому же найти проливающую свет на многие аспекты мировоззрения «Леонардо да Винчи XX века» статью В.В. Казютинского «Чижевский как мыслитель». Но указанный журнал крайне трудно найти... Мне, тем не менее, посчастливилось как работать с рукописями Чижевского, так и листать страницы «Духовного созерцания». Последнее оказалось возможным благодаря любезности заведующей домом-музеем Чижевского в Калуге Л.Т. Энгельгардт, интервью с которой представлено в приложении к настоящей диссертационной работе.

Кроме того, наличествует имеющая некоторое отношение к философии работа Чижевского «Солнце в мифах и философии» (1928), которую можно найти в том же фонде, но, на мой взгляд, она практически не содержит антропологических сюжетов, заслуживающих внимания исследователя, а потому не будет рассмотрена нами.

Наконец, хочется надеяться на то, что когда-нибудь будет найден утерянный труд, который сам Александр Леонидович считал своим наиболее выдающимся метафизическим достижением — «Морфогенез и эволюция с точки зрения теории электронов»⁶ (написан в 1917 г., дорабатывался на протяжении 25 лет). Предположительно он был посвящен обоснованию принципа материалистического монизма... Однако не будем гадать о том, чего не можем исследовать, и обратимся к доступным для изучения источникам.

¹ Цитируется по Русский космизм: Антология философской мысли / сост.: С.Г. Семенова, А.Г. Гачева. Вступ. ст. С.Г. Гачева; предисл. С.Г. Семенова; примеч. А.Г. Гачева. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 317.

² В особенности утверждение об актуальности космистской антропологии оказывается справедливым применительно к сюжету об эволюционном измерении жизни человечества; см. по этому поводу Терехов С.В. Эволюционные идеи в естественнонаучном направлении русского космизма (К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, В.И. Вернадский). Орел: ГОУ ВПО «ОГУ», 2011. С. 152.

³ т.е. к проблеме человека.

⁴ Захаров М.Л. Антропологические и антропокосмические воззрения А.Л. Чижевского. (http://vestnik.mstu.edu.ru/v11_4_n33/articles/23_zakhar.pdf. Дата обращения: 06.02.2014). С. 1.

⁵ Если мы хотим быть абсолютно точными, следует отметить, что в различных источниках можно найти различные сведения касательно времени написания «Основного начала мироздания». Работа датируется 1920, 1921, а также 1920–1921 гг.

⁶ Чижевский так вспоминает об утрате своего детища: «Я гордился этой работой и очень любил каждую ее страницу. Так было до 1942 г., когда мой двадцатипятилетний труд, объемом около 40 печатных листов, погиб вместе с другими моими рукописями в количестве около ста папок научных материалов. Сожалел ли я об этом? И да, и нет. В это время гибли миллионы человеческих жизней. Я — выжил, мой труд — исчез. Пусть будет так». (Чижевский А.Л. Электронная медицина // Вся жизнь. М.: Сов. Россия, 1974. С. 88. — Цит. по: Терехов С.В. Эволюционные идеи в естественнонаучном направлении русского космизма (К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, В.И. Вернадский). Орел: ГОУ ВПО «ОГУ», 2011. С. 81).

Для начала рассмотрим работу «Основное начало мироздания». Поскольку она не является доступной широким кругам, и даже специалисты-философы, как правило, не знакомы с ее текстом (если только изучение творческого наследия Чижевского не входит в круг их научных интересов), на мой взгляд, прежде чем обратиться непосредственно к философско-антропологической проблематике названного труда, стоит дать общую его характеристику, прежде всего в плане метафизического содержания. Точно так же и по аналогичным причинам мы впоследствии будем действовать в отношении «Электронной теории и генезиса форм».

Установление структуры «Основного начала мироздания» представляется делом неблагодарным, хотя и логически необходимым. Рукопись Чижевского изобилует исправлениями и вставками, почерк мыслителя часто неразборчив и порой трудно установить строгую иерархию заглавий его труда. В целом, однако, ясно, что главное содержание работы отражено во введении, четырех главах и заключении, хотя введению предшествуют несколько заголовков и пояснения автора.

Отметим заранее, что, признавая правомерными дискуссии относительно незначительных особенностей структуры труда Александра Леонидовича и правильного прочтения отдельных слов и фрагментов его рукописи, из соображений определенности мы будем придерживаться версии «Основного начала», представленной в упомянутых выше номерах журнала «Духовное созерцание» (она подготовлена к изданию Л.Т. Энгельгардт к столетию со дня рождения Чижевского на основании тщательного изучения рукописных материалов Архива РАН). Орфография и пунктуация текста в случае приведения цитат оставлена нами без изменений.

Какова же главная проблематика наиболее известной философской работы космиста? Постараемся по возможности кратко ответить на этот вопрос.

По собственному признанию Чижевского, его внимание прежде всего было обращено «на выяснение и разработку общего фона⁷ той «картины мира», которая должна будет некогда развернуться пред взорами человечества»⁸. Разумеется, сама картина, а также особенности нашего восприятия

таковой и множество других вопросов также волнуют мыслителя, однако все это в данном случае не составляет объекта его исследования. Картина реальности «как она есть» вырисовывается все яснее, но... «Но фон этой величественной картины еще не выработан, не утвержден окончательно. Он колеблется между двумя противоположными воззрениями на мир, как нечто целое, нераздельное и всеобщее. Хаос или гармония царствуют в мире — вот вопрос, который требует прежде всего определенного ответа. Управляют ли вселенной законы хаоса или случая, или ей присуща только гармония и закономерность? Или же и то и другое проявляется вместе и, как хаос, так и гармония имеют одинаковое право на их признание?»⁹. Таким образом, фактически Александра Леонидовича занимает вопрос, мучивший философов с незапамятных времен — вопрос о степени упорядоченности нашего мира, его подчиненности определенным законам. И космист пытается дать на него свой ответ.

Чижевский подвергает критике своих предшественников, пытавшихся разрешить обозначенную проблему, за тенденцию к сосредоточению на конкретных и зависимых к тому же от особенностей нашего восприятия и мышления примерах проявления хаоса или гармонии в мироздании с целью демонстрации того, что в нем преобладает тот или иной принцип, либо оба принципа соотносятся определенным образом.

Сам же Александр Леонидович предлагает пойти другим путем и «добрести до того пункта, откуда истекают причины всех вещей и явлений, т.е. заглянуть в последнюю и неделимую область материи и, восходя выше к нашему миру, проследить изменение и разветвление законов, управляющих элементарными, но все более и более усложняющимися проявлениями жизни самой материи»¹⁰. Путь Чижевского, который сам он называет «доселе неизвестным», фактически был предложен великим мудрецом Эллады Сократом (хотя и отнюдь не всегда он шел им к тем истинам, что влекли нашего соотечественника), а извилистые тропы этого пути подробно описал гениальный ученик последнего — Платон. Подобно Сократу, которого интересовали не конкретные примеры блага или красоты, а Благо и Красота сами по себе, космист пытается исследовать сам организующий принцип

⁷ Подчеркивание здесь и далее принадлежит Чижевскому.

⁸ Основное начало мироздания // Духовное созерцание. 1997. №№ 1–2. С. 106.

⁹ Там же. С. 113.

¹⁰ Основное начало мироздания // Духовное созерцание. 1997. №№ 1–2. С. 115.

первопричины мирового устройства, его хаотический или гармонический характер, а не частные случаи проявления данного принципа.

Заметим, что описанная выше гносеологическая установка не помешает Чижевскому обратиться к богатому фактическому материалу для иллюстрации собственных умозаключений. Однако его первичная познавательная интенция такова: «Для нас безразлично, в какие формы выливается идеально сущий хаос или гармония — в гармонию и хаос нами исследуемого мира, важно установить принцип гармонической или хаотической организации первопричины всех причин, начала всех начал, созидающего закона всех последующих “законов”». Собственно, если мы продолжим приводить «античные» аналогии и коннотации, можно сказать, что Чижевский был «диалектиком» и «синоптиком» в платоновском понимании, глубоко раскрытом Д.В. Бугаевым, замечательным исследователем творчества великого эллина: «Диалектик и есть тот, кто может собрать в своем мышлении множество в единство, Платон называет его «синоптиком», т.е. созерцающим многое вместе. Но диалектик должен уметь совершать и другую процедуру, разделение единства на множество»¹¹.

Итак, Александр Леонидович стремится постичь основной закон мира в его гармоничности или хаотичности. Согласно мнению ученого, «математически-чистый» закон этот, сокрытый за множеством феноменов, находящихся в неразрывной взаимосвязи, порождающей видимость хаоса, «является последствием влияния одной первопричины¹² на одну физическую

величину»¹³. В качестве единого физического начала у Чижевского выступает электричество (его можно назвать скорее энергетистом, нежели материалистом)¹⁴, первопричина же, воздействующая на него, есть всеобщий принцип кругообращения — *principium universale circulationis*, действие которого неразрывно связано с симметрией и ритмом (той же симметрией во времени). Таким образом, понимание закона, правящего миром, означает умение видеть проявление единого принципа за многообразием явлений, происходящих в едином субстрате. Поэтому, рассматривая бесчисленные примеры феноменов, подчиненных ритму и симметрии, Чижевский заявляет: «... все нижеизлагаемые проблемы объединены общей идеею: Палигенезиса, Вечного Возрождения, Вечного Круговорота — Бессмертия Космоса!»¹⁵. И вполне очевидно, что вопрос о том, является ли первопричина родительницей гармонии или хаоса, разрешается в пользу первого варианта, ибо ритм и симметрия с незапамятных времен выступают вернейшими признаками гармонии.

На мой взгляд, «Основное начало мироздания» с не меньшим основанием, нежели знаменитый труд Кеплера, можно было бы назвать «*Harmonia mundi*». Чижевский выступает как певец гармонии, ибо главный принцип природы фактически тождествен последней: «Может быть этот принцип, проводимый природою во всех своих проявлениях, и есть та удивительная, затаенная в сокровенных основах мироздания, простота, которую предчувствовали древние, воспели поэты и о которой говорили нам философы. Или это, может быть, и есть та великая мировая Гармония, которая одинаково одухотворяет, движет согласно непреложным законам по непреложным путям, как самые грандиозные, так и самые ничтожные, еле ощутимые процессы. Нельзя не обратить внимания на эту идею, ибо она осуществлена и в самых очевидных мировых явлениях и в самых потаенных глубинах вещества»¹⁶.

¹¹ История философии: Учебник для вузов / под ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова и Д.В. Бугая. М.: Академический Проект, 2005. С. 82.

¹² Некоторая путаница может возникнуть вследствие того, что слова «закон» и «первопричина» употребляются Чижевским в разных значениях. «Законом» космист называет как принцип, воздействующий на единый материальный субстрат, так и результат этого воздействия, то же самое можно сказать относительно термина «первопричина». Впрочем, исходя из контекста, читатель практически всегда может понять, о чем именно идет речь. Обозначенная неточность в словоупотреблении кажется замечательной, если вспомнить, что Аристотель испытывал колебания по поводу того, что считать сущностью вещи — ее форму или соединение формы с материей. Пожалуй, весьма интересным интеллектуальным мероприятием был бы компаративный анализ гилеморфизма Стагирита, его рассуждений о материальной и формальной причинах и соображений о законе мироздания, высказанных Чижевским.

¹³ Основное начало мироздания // Духовное созерцание. 1997. №№ 1–2. С. 115.

¹⁴ См. по этому поводу: Казютинский В.В. Чижевский как мыслитель. (<http://library303.narod.ru/third/rebirth170.html>. (дата обращения: 01.05.2014)).

¹⁵ Там же. С. 109.

¹⁶ Основное начало мироздания // Духовное созерцание. 1997. №№ 1–2. С. 109.

Поистине, ученый-солнцеклонник обладал чувством гармонии мира, сакральным отношением к космосу, свойственным древним, в особенности, эллинам... Недаром Чижевский отсылает читателя к воззрениям ионийских философов, пифагорейцев и неоплатоников, говоря об идеях единого субстрата и единого управляющего принципа, порой упоминает имена древнегреческих мыслителей, а сам мыслит зачастую как тот же пифагореец (особенно о ритме и симметрии) или подлинный платоник (в чем мы имели возможность убедиться)¹⁷. И в то же время Александр Леонидович оперировал новейшими на момент написания своего труда данными естествознания, многие его идеи продолжают оказывать влияние и на современную науку, которая в свою очередь проливает свет на проблемы гармонии и хаоса, а также порождающих принципов различных явлений¹⁸. По-видимому, именно намеченный космоистом синтез мудрости

¹⁷ В.В. Казютинский так освещает специфику конгенитальности русского космоиста и древнегреческих мыслителей (см.: Казютинский В.В. Чижевский как мыслитель. (<http://library303.narod.ru/third/rebirth170.html>). (дата обращения: 01.05.2014)):

«Рассматривая проблемы симметрии в природе, он склонялся к тому, что иногда называют «пифагорейской мистикой чисел». Например, симметрия в строении листьев на дереве или чешуек на сосновой шишке подчиняется строгим числовым закономерностям того типа, открытие которых приписывается пифагорейцам. «Золотому сечению» пифагорейцев, которое в эпоху Возрождения называли еще Божественной пропорцией, видя в ней меру мировой Гармонии, А.Л. Чижевский придавал большое значение. Все эти соображения связывались им с существованием «точного, извечно-сущего космического закона», определяющего изучаемые нами явления природы. Не вытекает ли отсюда, что А.Л. Чижевский был в каком-то смысле пифагорейцем и неоплатоником? (Отметим для точности, что А.Л. Чижевский не вполне прав, приписывая идею «единого физического закона» пифагорейцам и Платону. Основным принципом для них была, как известно, иная идея — о том, что миром правят числа. Основой всех свойств и их различий считались свойства и отношения чисел, но ни о каком физическом принципе или законе, определяющем свойства природы, не было и речи. Видимо, А.Л. Чижевский, говоря об этом законе, подразумевал именно свойственную пифагорейцам и неоплатоникам числовую гармонию бытия)».

¹⁸ В особенности данное замечание относится к синергетике. См., например: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / под общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986. С. 432; Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 232; Буданов В.Г. Синергетическое моделирование сложных систем // Философские науки. 2007. № 4. С. 114–131.

минувших веков и достижений научного прогресса позволит сформировать мировоззрение, способствующее оптимальному сценарию протекания активной эволюции¹⁹.

Однако характеристика взглядов Чижевского в контексте науки наших дней заслуживает отдельного исследования, а потому не станем останавливаться на этом сюжете. Ограничусь лишь следующей цитатой о гармонии, показывающей насколько идеи Александра Леонидовича близки проблематике современного научного познания: «Одна из таких вечных загадок — Гармония, тема вечная и всегда юная, еще совсем недавно далекая от науки, сегодня востребуема ею как один из ключей постижения целостного мира»²⁰.

¹⁹ Возможно, «синтетические» устремления Чижевского навеяны его общением с Циолковским. Так, излагая теорию космических эр своего старшего друга, Александр Леонидович вкладывает в его уста следующие слова: «Хорошо! Итак, значит, мы пришли к выводу, что материя через посредство человека не только восходит на высший уровень своего развития, но и начинает мало-помалу познавать самое себя! Вы, конечно, понимаете что это уже огромнейшая победа материи, победа, стоившая ей так дорого. Но природа шла к этой победе неуклонно, сосредоточив все свои грандиозные возможности в молекулярно-пространственной структуре микроскопических зародышевых клеток... Только таким путем, через миллиарды лет, мог возникнуть мозг человека, состоящий из многих миллиардов клеток, со всеми его поразительными возможностями. И одна из самых поразительных его возможностей — это вопрос, о котором мы сегодня заговорили: почему, зачем и т.д. ... Действительно, вопрос такого рода мог быть задан только на вершине познания. Кто пренебрегает этим вопросом, тот, значит, не понимает его значения, ибо материя, в образе человека, дошла до постановки такого вопроса и властно требует ответа па него. И ответ па этот вопрос будет дан — не нами, конечно, а нашими потомками, если род людской сохранится на земном шаре до того времени, когда ученые и философы построят картину мира, близкую к действительности.

Все будет в руках тех грядущих людей — все науки, религии, верования, техника, словом, все возможности, и ничем будущее знание не станет пренебрегать, как пренебрегаем мы — еще злостные невежды — данными религии, творениями философов, писателей и ученых древности. Даже вера в Перуна и та пригодится. И она будет нужна для создания истинной картины мира. Ведь Перун — это бог грома и молнии. А разве вы не поклонник атмосферного электричества? Да и я его тайный поклонник...» (см.: Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. Воспоминания о К.Э. Циолковском. М.: Айрис-пресс, 2007. С. 342–343).

²⁰ Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 100. Кстати, на той же сотой странице работы В. Г. Буданова говорится о том, что лишь после трудов Чижевского наука приходит к холистической картине мира, а далее автор предпри-

Итак, мы обозначили главную метафизическую проблему работы Чижевского «Основное начало мироздания», а также указали на то, какое ее решение предложено космистом, и упомянули некоторые философские течения и тенденции, которым, с нашей точки зрения, оказались созвучны воззрения Александра Леонидовича, отраженные в рассматриваемом труде. Прежде чем перейти к непосредственно философско-антропологическим идеям «Основного начала», следует дополнить его краткую характеристику некоторыми замечаниями, ибо, разумеется, содержание сочинения «Леонардо да Винчи XX века» не исчерпывается постановкой и разрешением проблемы «начала всех начал», равно как и не представляется справедливым исчерпать своеобразие творчества Чижевского-философа указанием на его духовное родство с древнегреческими мыслителями и своеобразный энергетический монизм.

Так, помимо поисков предельно общего закона, подчиняющего себе частные закономерности, управляющие конкретными явлениями природы, а также теснейшим образом связанных с этими поисками загадок гармонии, симметрии, ритма, космист уделяет значительное внимание следующим «неантропологическим» (условно говоря) философским сюжетам: о роли различных способностей (ощущения, образного мышления, интуиции, умозрения) в познавательном процессе, о том, что Бэкон назвал бы «идолами» познания, о судьбе космоса, о том, что и сам он, и его законы должны быть рассмотрены с точки зрения эволюции, о единстве природы, отсутствии непреодолимых границ между ее царствами, образовании форм и т.п. Разумеется, этот список можно было бы продолжить, однако у нас нет возможности подробно останавливаться на том, что не относится непосредственно к тематике настоящего диссертационного исследования.

Кроме того, хотя в «Основном начале мироздания» Чижевский выступает, по-видимому, прежде всего как духовный наследник пифагорейцев и неоплатоников, а также энергетический монист, В.В. Казютинский резонно предостерегает нас от попытки «втиснуть» Александра Леонидовича в узкие рамки, налагаемые коннотациями

с определенными течениями мысли²¹. Подобно своему учителю Циолковскому, Чижевский умел видеть сильные места подчас противоположных метафизических парадигм и синтезировать их в собственное целостное мировоззрение, которое можно назвать скорее «синтетическим», нежели эклектичным. Так, в «Основном начале мироздания» Александр Леонидович выступает помимо всего прочего как представитель критического реализма, сциентизма, детерминизма и т. п. Все эти «измы» имеют свою историю и культурный ореол. Быть может, представление о них и помогает глубже изучить философское творчество Чижевского, но только в том случае, если мы не поддаемся искушению во имя определенности и стремления к четкой классификации обеднить исследуемый феномен.

Осветив общий метафизический фон сочинения космиста об общем фоне картины мира, перейдем к непосредственно философско-антропологической проблематике рассматриваемого труда Александра Леонидовича.

Для начала обратимся к комплексу неразрывно связанных холистических идей о теснейшей взаимозависимости человека и природы, их фактическом единстве, соразмерности и подобии, ибо идеи эти следуют из самой сути исследуемой работы космиста, раскрытой выше.

Соответствующие воззрения отражены в «Основном начале мироздания» не менее убедительно, нежели в научных работах Чижевского (и он зачастую подкрепляет их в своем философском труде примерами из различных конкретных дисциплин), однако использование образного языка порой сближает метафизику космиста с поэзией, недаром Александр Леонидович был прекрасным стихотворцем.

Так, Чижевский обращается к архетипическому образу великой Матери-Природы, представляя человека ее детищем.

Он зависит от нее как часть от целого, автономность которого весьма сомнительна уже исходя из того, что его «материя» образована универсальным природным субстратом (электронным), а существование (как биологическое, так и духовное) подчинено закону всеобщего кругообращения с неизбежно сопутствующими ему принципами ритма и симме-

нимает попытку рассмотрения рационального содержания древней пифагорейской легенды о музыке сфер с позиций современного научного мировоззрения.

²¹ См.: Казютинский В.В. Чижевский как мыслитель. (<http://library303.narod.ru/third/rebirth170.html>. (дата обращения: 01.05.2014)).

трии. Космист приводит многочисленные примеры проявления названных принципов (симметрия и соразмерность строения человеческого тела, ритмика физиологических функций и состояний — дыхания, кровообращения, менструации, периодов сна и бодрствования и т.п. — и психических явлений, а также творческой жизни, величайшие достижения которой подчинены принципам гармонии). Фактически положение человека в природе аналогично положению клетки в организме: и в том, и в другом случае часть по сути подчинена целому, хотя и может на него воздействовать, подчиняясь, однако, свойственным ему закономерностям.

Итак, в отличие от научных работ Чижевского, где, как мы увидим в следующей главе настоящей диссертации, взаимосвязь микро- и макрокосма иллюстрируется с помощью конкретных примеров влияния на людей окружающей среды (например, посредством фактора солнечной активности), холизм «Основного начала мироздания» зиждется не столько на подобных примерах, сколько на указании универсального закона и субстрата всего сущего.

Следует заметить, что всеобщий принцип распространяется не только на отдельных индивидов, но и на человечество, в чем мы далее убедимся при рассмотрении идеи эволюции людского рода, как она представлена в исследуемой работе Чижевского. Неудивительно поэтому, что космист уделяет внимание единству фило- и онтогенеза, уподобляет развитие человечества взрослению ребенка. Ведь человек как вид *Homo sapiens* и есть дитя природы, Великой Матери.

Исходя из текста «Основного начала», можно прийти к выводу, что человек не просто теснейшим образом связан с миром, но и в определенном смысле подобен и соразмерен последнему, поскольку воплощает его главный закон подобно той же клетке, в ядре которой содержится информация об организме, в состав коего она входит. Недаром Александр Леонидович приводит примеры благотворного и пагубного влияния на человеческую психику соответственно гармонии и дисгармонии внешней среды: устроенное по определенному принципу существо не может жить там, где этот принцип нарушается. Равно как и мир жесток по отношению к нарушителю его закона... Клетка не приживается в чужом организме, и организм отвергает «не свою» клетку, ибо они несоразмерны, ибо их генетические принципы не совпадают...

Философско-антропологические воззрения, вытекающие из холистической картины мира Чижевского, опять-таки созвучны как древней интуиции о единстве микро- и макрокосма, отраженной во многих мифах, легендах, сакральных учениях и философских системах, так представлениям современной науки (вспомним, например, знаменитый антропный принцип), однако не станем останавливаться на этом подробно.

Выше уже было сказано, что Александр Леонидович считает природу нашей Великой Матерью. Мыслитель отмечает, что, породив человека, она хочет видеть свое дитя разумным (что вполне согласуется, как можно заметить, с характерной космистской идеей активной эволюции): «Как добрая мать, желающая, чтобы сын ее преуспевал в науках, неустанно заботится о его умственном развитии, задает ему вопросы и ждет на них толкового ответа, так и природа, Великая Мать, задает нам, своим детям, трудные задачи, дабы мы не заковели в невежестве и, непрестанно мысля, достигали совершенства в знании и могли бы называться подлинными сынами ее»²².

Чижевский считает, что постижение гармонии природы, ее закона, сообщающего космосу ритм, обуславливающий вечное обновление, а тем самым и бессмертие последнего, способно избавить человека от страха собственной гибели: «Мы — дети нашей Матери-Природы. Она хочет, чтобы мы были разумные, в конце концов поняли и полюбили бы ее, ибо уже перестали бы бояться смерти»²³. Таким образом, человек может в определенном смысле преодолеть смерть, избавившись от страха перед ней, идея же победы людей над тленом характерна для космизма. У Чижевского, как мы видим, она преломляется в контексте величия человеческого разума.

Собственно, разум избавляет людской род не только от ужаса перед смертью, но и от множества иных страхов, коренящихся в этом первичном страхе, именно развитие разума, согласно мнению Александра Леонидовича, знаменует взросление человечества, которое постепенно движется от веры в различные божества к науке... И вот уже прежде грозные явления природы перестают пугать нас.

Однако Чижевский не преувеличивает достижений разума, справедливо замечая: «Но не все еще явления природы кажутся нам просты и по-

²² Основное начало мироздания // Духовное созерцание. 1997. №№ 1–2. С. 106.

²³ Там же. С. 109.

няты. Мы познали лишь те, каковые стоят ближе всего к нам со сторон двух бесконечностей: Величия Космоса и Глубины Материи. Как в неизмеримом океане теряется наша мысль за последними еле заметными звездами, сияющими на ночном небе, и в мельчайших частицах материи, столь же отдаленной от нас, как те последние светила видимой нами вселенной»²⁴.

Итак, космист отмечает срединное положение человека в природе между двумя равноудаленными от него бесконечностями. Как тут не вспомнить слова другого выдающегося ученого, Б. Паскаля, писавшего в своих гениальных «Мыслях»: «Да и что же такое, наконец, человек в природе? — Ничто в сравнении с бесконечным, все в сравнении с ничтожеством, середина между ничем и всем. От него, как бесконечно далекого от постижения крайностей, конец вещей и их начало бесспорно скрыты в непроницаемой тайне; он одинаково неспособен видеть и ничтожество, из которого извлечен, и бесконечность, которая его поглощает»²⁵. Впрочем, французский мыслитель, в отличие от космиста, настроен богоискательно: «Сознавая же беспредельность и недостижимость познания нами природы, мы поймем, что она, отпечатлев свой образ и образ своего Творца во всех вещах, выражает в большинстве их свою двоякую бесконечность».

И все же Чижевский и Паскаль солидарны в главном: достоинство человека, его сущностная черта заключается в способности к разумению. Несомненно, что Александр Леонидович мог бы подписаться под знаменитыми словами великого француза: «Человек самая ничтожная былинка в природе, но былинка мыслящая. Не нужно вооружаться всей вселенной, чтобы раздавить ее. Для ее умерщвления достаточно небольшого испарения, одной капли воды. Но пусть вселенная раздавит его, человек станет еще выше и благороднее своего убийцы, потому что он сознает свою смерть; вселенная же не ведает своего превосходства над человеком».

Таким образом, все наше достоинство заключается в мысли. Вот чем должны мы возвышаться, а не пространством и продолжительностью, которых нам не наполнить»²⁶.

Хотя в «Основном начале мироздания» характерное для русского космизма представление о «разумной оболочке» Земли, порождаемой человечеством, не отражено сколь-либо явным образом, в контексте величия разума Чижевский зачастую затрагивает (подчас на уровне метафор, но метафор показательных) многие другие типично космистские темы, имеющие большое значение для философской антропологии. Помимо упомянутой выше идеи победы человека над смертью, данное замечание справедливо, например, относительно сюжета выхода человека за пределы Земли (а тем самым и власти над пространством), а также единства микро- и макрокосма, обуславливающего возможность самопознания через познание мира. Так, с учетом вышесказанного заслуживает внимания следующий фрагмент из «Основного начала»: «Размышляя об этих взаимно-противоположных крайностях Природы, человек как бы покидает свою землю, ибо то, что представляется его взорам, выходит из пределов одной земли: это вопросы высшего космического порядка, и разрешение их равносильно разумному объяснению своего существования и постижению всего великого, несоизмеримого с нами»²⁷, здания мира»²⁸.

Поскольку в рассматриваемой работе Чижевского (как, впрочем, и во многих других его трудах) разум выступает в качестве сущностного атрибута человека, неудивительно, что философско-антропологическая проблематика «Основного начала мироздания» оказывается теснейшим образом связанной с гносеологическими изысканиями космиста.

Применительно к сфере научного познания Александр Леонидович был горячим сторонником того, что М. Планк, коего он цитирует в исследуемом нами сочинении, называл «эмансипацией от антропоморфизма». Науке, представляющей собой высшее достижение человечества, согласно мнению Чижевского, в идеале стоит быть «бесчеловечной» в том смысле, что результат, который получает исследователь, должен быть независимым

²⁴ Основное начало мироздания // Духовное созерцание. 1997. №№ 1–2. С. 106.

²⁵ Паскаль Б. Мысли. (<http://predanie.ru/lib/book/read/78350/#toc2>. (дата обращения 01.05.14)).

²⁶ Там же.

²⁷ По-видимому, в данном случае имеется в виду несоизмеримость масштабов, «количественная» несоизмеримость, которая оказывается вполне совместимой с соразмерностью, основанной на единстве закона, управляющего миром и человеком.

²⁸ Основное начало мироздания // Духовное созерцание. 1997. №№ 1–2. С. 106.

не только от его индивидуальности, но и от тех особенностей строения органов чувств и самого познающего разума, которые определяют принадлежность ученого к роду *Homo sapiens*²⁹. Александр Леонидович, впрочем, признает, что абсолютная «эмансипация от антропоморфизма» в науке едва ли возможна, однако само стремление к ней полагает необходимым.

Чижевский, безусловно, понимает, что «бесчеловечность», пусть даже сугубо интеллектуальная, пагубно влияет на психическое состояние человека, но полагает, что во имя приближения к истине он обязан проявить мужество самоотречения: «Философу грустно, может быть, смотреть на одно из прекраснейших явлений природы, на один из ее красивых обманов — темно-голубой цвет неба, зная его ирреальность; он должен вооружиться мужеством и смело выдержать удары новой эры в человеческой мысли по косным представлениям древнего мира»³⁰. Александр Леонидович отмечает, что сам идеал истины как «вещи в себе», не имеющей ничего общего с данными чувств ужасает нас, однако, приняв его, мы приблизимся к постижению философских загадок. Здесь невольно вспоминаются элеаты с их недоверием к чувственности и культом умозрения, слова Парменида о бестрепетном сердце Истины...

Задумавшись над тем, какими важными для философской антропологии проблемами чревато гносеологическое кредо Чижевского.

На мой взгляд, парадоксальным является то, что, являясь сущностным свойством человека, разум при условии оптимального (по мнению космиста) своего функционирования, «эмансипируясь от антропоморфизма», фактически выводит нас за пределы человеческого. Иными словами, человек перестает быть человеком, если собственно человеческое в нем доведено до предела. Кто есть человек «в пределе»? Вот лишь одно из метафизических затруднений антропологического характера, возникающих при погружении в гносеологию «Основного начала ми-

роздания». Чижевский не ставит обозначенной проблемы, а тем более не предлагает ее решения. Однако его замечания о развитии человечества позволяют предположить, что он вполне солидарен с тем же Паскалем, полагавшим, что «человек бесконечно превосходит человека».

Кроме того, заставляет задуматься следующее. Если за познание истины человек должен расплачиваться отказом от субъективных чувствований, почему ее созерцание сопровождается столь сильными переживаниями красоты и гармонии, что они служат верными признаками того, что нечто истинно (это признает сам Александр Леонидович). Почему наша субъективность столь созвучна объективности, что ради нее готова отречься от самой себя? И если данное созвучие наблюдается, следует ли стремиться исключать из процесса познания «человеческое, слишком человеческое» вместо того, чтобы использовать его как «камертон истинности»?

Во всяком случае, отрицательный ответ на последний вопрос гораздо лучше соотносится с высказываемыми Чижевским идеями о гармоничности как признаке истины и возможности самопознания через познание мира, а также самопознании природы посредством человеческого познания, «ибо наш мозг есть ее координированная часть»³¹. Но тогда, во-первых, можно отметить некоторую непоследовательность в воззрениях Александра Леонидовича, а, во-вторых, задуматься о соотношении человеческого и истинного. В частности, о том, как возможно познание истины о человеке. Должно ли оно стремиться к независимости от ощущений и эмоций? Может ли быть наука о человеке «бесчеловечной», «эмансипированной от антропоморфизма»? Если да, то будет ли она о человеке? Если нет, будет ли она наукой?³²

Разумеется, можно было бы продолжить наблюдение философско-антропологических проблем, которыми чревата гносеология исследуемой работы Чижевского. Однако в силу ограниченного объема настоящей статьи мне кажется уместным ограничиться уже сказанным выше по этому поводу и перейти к рассмотрению того, как представлена в «Основном начале мироздания» идея об эволюции человеческого рода.

²⁹ Определенный интерес представляет рассмотрение гносеологического идеала Чижевского в контексте представлений о различных парадигмах научной рациональности. О типах научной рациональности (классическом, неклассическом и постнеклассическом) см. работы В.С. Степина, а также — Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 44–47.

³⁰ Основное начало мироздания // Духовное созерцание. 1997. №№ 1–2. С. 112.

³¹ Основное начало мироздания // Духовное созерцание. 1997. №№ 1–2. С. 119.

³² Гуревич П.С. Философская антропология: учебное пособие. 2-е изд., стер. М.: Омега-Л, 2010. С. 182–187.

Александр Леонидович полагает, что развитие человечества подчинено универсальному принципу кругообращения и, следовательно, обладает определенным ритмом. При этом повторение определенных периодов развития не означает повторения конкретных событий и не препятствует совершенствованию. Фактически применительно к эволюции людского рода у космоиста идет речь о движении «по спирали», данная модель позволяет объединить принцип Палингенезиса и идею прогресса.

Чижевский разворачивает перед нами поистине величественную картину: «Перспектива истории представляет собою панораму грозного моря с высоко поднятыми волнами и зияющими безднами между ними. Мы видим, как мировые державы и великие царства, достигнув гребня волны — самой высокой точки своего развития, опускаются вниз, чтобы либо навсегда исчезнуть, либо вновь совершив трудный путь подъема, вновь показаться на следующем гребне волны. Цикл завершен. Планета истории прожила свои сутки. Наступают новые. Человечество опять совершает свой подъем, но подъем этот расположен уже в другом месте большого космического цикла. Все признаки, сопутствовавшие прежнему подъему, сохранились и при новом подъеме человечества, но изменились только в характере своих проявлений. Говорят, «человечество сделало шаг вперед», человечество эволюционирует»³³.

Впрочем, мыслитель отмечает, что мы не можем уловить круговую закономерность в явлениях, периоды которых велики по сравнению со временем нашего существования, поэтому судить с уверенностью о том, что случится, когда завершится предполагаемый большой космический цикл исторического развития человечества, Александр Леонидович не решает. Он лишь предполагает начало «нового оборота восходящей космической спирали».

Наконец, что касается идеи активной эволюции, анализ ряда фрагментов «Основного начала мироздания» (о значении человеческого разума, созданного природой для познания и т. п.) позволяет сделать вывод: Чижевский, безусловно, разделяет это основополагающее для русского космоизма воззрение. Однако на страницах рассмотренной работы Александра Леонидовича соответствующий сюжет не освещается достаточно последовательно и глубоко.

Итак, мы ознакомились с философско-антропологической проблематикой «Основного начала

мироздания» Чижевского, предварительно охарактеризовав общий метафизический фон данного сочинения. Обратимся теперь к другой философской работе Александра Леонидовича — «Электронной теории и генезису форм». Как и в случае с «Основным началом» следует для начала дать общее описание названного труда, особое внимание уделяя метафизическому содержанию оно, а затем раскрыть его значение для философской антропологии. Впрочем, на сей раз нам не придется быть многословными, поскольку большинство философских проблем, которые затронуты в «Электронной теории», гораздо полнее развиты аналогичным образом в уже рассмотренной нами работе. В случаях когда дело обстоит таким образом, будем просто констатировать данный факт.

Структура труда Чижевского, к рассмотрению которого мы обращаемся, весьма аморфна, а потому не будем останавливаться на ней. Отметим лишь, что текст работы содержит множество «черновых» фрагментов, списки и перечни, намечающие ход мысли автора и бывшие, вероятно, вполне ясными лишь для него самого.

Основная проблематика «Электронной теории и генезиса форм» отражена в самом заглавии этого философского сочинения. Данная работа Чижевского посвящена по сути исследованию вопроса о том, как возникают различные формы природы, единственным субстратом коей является электричество, вследствие чего все явления можно (по мнению Александра Леонидовича) свести к изменению положения комбинаций электронов в пространстве с течением времени и их воздействию друг на друга. «Генезис форм» рассматривается Чижевским на примере кристаллов, ибо именно в их царстве общие закономерности процесса, который интересует мыслителя, проявлены наиболее явным образом.

«Философичность» работе космоиста придают рассуждения о монизме мироздания и его подчиненности единому закону Палингенезиса, принципам симметрии и ритма. Как мы помним, эти сюжеты отражены в «Основном начале мироздания» и проанализированы нами, а потому не станем повторяться, раскрывая их содержание еще раз. Отметим лишь, что в «Электронной теории и генезисе форм» по очевидным причинам симметрии уделено куда большее внимание, нежели ритму.

Также в рассматриваемой работе Чижевского, встречаются следующие интересные для философа воззрения, которые можно найти и в «Основном начале мироздания»: эволюционные представле-

³³ Основное начало мироздания // Духовное созерцание. 1997. №№ 3–4. С. 134.

ния, идея отсутствия четких границ между царствами природы (мы не отметили ранее эту точку зрения, ибо она не являлась основополагающей в уже проанализированном нами труде) и т.п.

Однако замечательно, что новизна «Электронной теории» в сравнении с «Основным началом» заключается как раз-таки в том, что данное сочинение содержит не столь оптимистическую точку зрения на развитие человечества, как та, с которой мы уже ознакомились, т.е. новизна эта представляет интерес именно для специалиста по философской антропологии. Обратимся же к соответствующим взглядам Чижевского.

В целом Александр Леонидович полагает, что человечество не застраховано от дегенерации. Для обоснования своего печального убеждения он использует закон Геккеля и опять-таки отсылает читателя к всеобщему принципу кругообращения: «Основываясь на формуле Геккеля: онтогенезис повторяет филогенезис и дополнив ее другой формулой: старость и конец человека доказывает грядущую старость и вымирание человечества, мы приходим к тому заключению, что и человечество, как в отдельных своих индивидах, так и в целом не составляет исключения из общего закона, которому, по-видимому, подчинены все мировые процессы. Значит, и человечество ждет роковая, неизбежная смерть, которая, конечно, не столь ужасна, как ужасен ход к этой смерти — многотысячелетний период старости и ее вырождение»³⁴.

Любопытно, что принцип кругообращения, который в «Основном начале мироздания» использовался для обоснования бессмертия (космоса в целом)³⁵ в «Электронной теории и генезисе форм» выступает как условие гибели, в частности, человеческого рода. Чижевский, очевидно, исходит из того, что движущаяся, например, против часовой стрелки по окружности точка, отойдя на максимальное расстояние от своего исходного положения, далее неизбежно начнет приближаться к нему. Так и род людской, согласно логике кругового процесса, некогда восстав из небытия, должен вер-

нуться к своему изначальному состоянию, пережив однажды максимальный расцвет.

От себя добавлю, что, на мой взгляд, модель эволюции человечества, приведенная в «Основном начале мироздания», не только внушает большой оптимизм, но и лучше согласуется с наличием периодически повторяющихся подъемов и спадов в историческом развитии нашего вида, которое в научных работах космиста связывается с изменением солнечной активности.

Тем не менее, печальный вариант развития событий, представленный в «Электронной теории и генезисе форм» также может быть обоснован исходя из монистических воззрений Чижевского. Возводя все процессы в мире к электронному субстрату, Александр Леонидович утверждает: «А потому и сама эволюция есть своего рода электрическое явление, что было же нами внесено в параграф «Об эволюции кристаллов». И так как человечество не в силах произвольно видоизменять эти электромагнитные группировки, то, следовательно, оно не в силах ни на йоту ускорить сам процесс эволюции, и бесплодны и губительны попытки тех, которые полагают, что под влиянием внешних физических или моральных факторов человечество может сделать несколько шагов вперед»³⁶. Таким образом, Чижевский выступает как последовательный детерминист.

Впрочем, высказывания космиста о судьбах человечества отнюдь не категоричны. И в «Основном начале», и в рассматриваемом труде Александр Леонидович не дает окончательного ответа на вопрос о том, что ожидает человечество. Он высказывает лишь самые правдоподобные, с его точки зрения, гипотезы.

Констатируя тенденции эволюции вида *Homo sapiens* на момент написания «Электронной теории», Чижевский отмечает в названной работе следующее: «Что касается человечества, то в этом отношении оно может быть разделено на три части. К первой из них самой обширной принадлежит тип совершенствующийся — эволюционирующий вперед, ко второй — тип, сохраняющий равновесие, пребывающий *in status quo*, к третьему типу, сравнительно пока малочисленному следует отнести тип вырождающийся»³⁷.

Далее мыслитель высказывает расистские воззрения в связи с «вырождающимся типом» (кстати,

³⁴ См.: Исследование А.Л. Чижевского «Электронная теория и генезис форм. Проблема». В 2-х частях. Автограф. // Архив РАН. 1703. Оп. 1. Д. 2. Л. 166.

³⁵ А если мы рассматриваем эволюцию «по спирали» в качестве модификации *principium universale circulationis*, то определенный шанс на бессмертие появляется и у человечества. Во всяком случае, оно не обречено на гибель логикой своего развития, необходимость его исчезновения с лица Земли может быть только фактической, а есть ли она вообще, нам судить не дано.

³⁶ Там же. Л. 165.

³⁷ Там же. Л. 166.

подобные идеи можно обнаружить и в «Основном начале», хотя мы и не отметили их специально). Однако простым космисту его заблуждения, обусловленные верой в то, что внешние «объективные» факторы (окружающая среда и устройство организма) детерминируют человека в том смысле, в каком детерминизм понимался Лапласом. По-видимому, решающую роль в формировании подобных взглядов Чижевского сыграло его стремление сделать человека объектом «нормальной» науки, особенности которого определены взаимодействием с другими объектами и подчинены строгим закономерностям.

Как мы видим, Александр Леонидович полагает, что человечество пока прогрессирует, соответственно, оно еще не достигло кульминации своего развития. В связи с наблюдаемым прогрессом Чижевский упоминает книгу канадского психиатра Р.М. Бёкка «Космическое сознание. Исследование эволюции человеческого разума», в которой говорится о том, что человечество ожидает наступление эры нового типа сознания, коим, по мнению автора, уже обладают отдельные индивиды, являющиеся предтечами грядущего века. Можно, кстати, отметить следующее: изучение мировоззрения Чижевского и ознакомление со взглядами Бёкка наталкивает на мысль о том, что Александр Леонидович мог обладать типом сознания, описанным distinguished доктором — космическим сознанием. Данное предположение было рассмотрено нами в других статьях³⁸, а потому не станем останавливаться на его исследовании в настоящей работе.

Прежде всего стремясь к объективности, Чижевский тем не менее, очевидно, был бы рад ошибиться в своих довольно мрачных прогнозах относительно развития человечества. Он признает: «Однако выраженный нами ранее пессимистиче-

ский взгляд можно оспаривать. Трансформизм учит нас о превращениях органических индивидов; но он одновременно показывает нам, что такому превращению подвержены не все особи данного вида, а только самое незначительное количество отдельных родов, которые далее и наследуют Землю»³⁹.

Не отрицая своих опасений по поводу регресса, дегенерации и вымирания большей части человечества, космист уповает на «наследующих Землю», «которым надлежит, покидая человеческую природу, перейти на новую ступень общеземной органической эволюции и трансформироваться в подлинного ново или сверхчеловека, который будет настолько же удален от нас, как мы от обезьяны»⁴⁰.

Итак, кратко охарактеризовав работу Чижевского «Электронная теория и генезис форм», раскрыв ее основное метафизическое содержание, в особенности философско-антропологические идеи, перейдем к подведению итогов.

В данной статье мы предприняли попытку реконструкции представлений Александра Леонидовича о человеке, содержащихся в его собственно философских трудах, с учетом общего проблемного поля последних. Разумеется, реконструкция сопровождалась указанием на возможные коннотации и проблемы, всплывающие в сознании в связи с тем или иным сюжетом. Однако подробному исследованию таковых в различных контекстах следовало бы посвятить отдельные работы.

Информация же, приведенная в этой статье, важна прежде всего для понимания актуальных философско-антропологических воззрений Чижевского, являющихся частью его метафизики, знакомство с которой является непременным условием адекватной оценки творчества «Леонардо да Винчи XX века» в целом.

Список литературы:

1. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 232 с.
2. Буданов В.Г. Синергетическое моделирование сложных систем // Философские науки. 2007. № 4. С. 114-131.
3. Гуревич П.С. Философская антропология: учебное пособие. 2-е изд., стер. М.: Омега-Л, 2010. 607 с.

³⁸ См.: Звонова Е.Е.. Религиозно-мистические взгляды Циолковского и Чижевского в свете представлений о космическом сознании и концепции космической игры // Психология и психотехника. 2014. № 3. С. 329–342; Звонова Е.Е. О космическом сознании А.Л. Чижевского // Психология и психотехника. 2014. № 2. С. 139–151.

³⁹ Исследование А.Л. Чижевского «Электронная теория и генезис форм. Проблема». В 2-х частях. Автограф. // Архив РАН. 1703. Оп. 1. Д. 2. Л. 171.

⁴⁰ Там же. Л. 171.

4. Захаров М.Л. Антропологические и антропокосмические воззрения А.Л. Чижевского // Вестник МГТУ. 2008. Т. 11. № 4. С. 732–736.
5. Звонова Е.Е. О космическом сознании А.Л. Чижевского // Психология и психотехника. 2014. № 2. С. 139–151.
6. Звонова Е.Е. Религиозно-мистические взгляды Циолковского и Чижевского в свете представлений о космическом сознании и концепции космической игры // Психология и психотехника. 2014. № 3. С. 329–342.
7. Исследование А.Л. Чижевского «Электронная теория и генезис форм. Проблема». В 2-х ч. Автограф. // Архив РАН. 1703. Оп. 1. Д. 2. 224 л.
8. История философии: Учебник для вузов / под ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова и Д.В. Бугая. М.: Академический Проект, 2005. 680 с.
9. Казютинский В.В. Чижевский как мыслитель. (<http://library303.narod.ru/third/rebirth170.html>. (дата обращения: 01.05.2014)).
10. Основное начало мироздания // Духовное созерцание. 1997. №№ 1–2. С. 105–136.
11. Основное начало мироздания // Духовное созерцание. 1997. №№ 3–4. С. 85–113.
12. Паскаль Б. Мысли. (<http://predanie.ru/lib/book/read/78350/#toc2>. (дата обращения 01.05.14)).
13. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / под общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
14. Русский космизм: Антология философской мысли / сост. С.Г. Семенова, А.Г. Гачева. Вступ. ст. С.Г. Гачева; предисл. С.Г. Семенова; примеч. А.Г. Гачева. М.: Педагогика: Пресс, 1993. 232 с.
15. Терехов С.В. Эволюционные идеи в естественнонаучном направлении русского космизма (К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, В.И. Вернадский). Орел: ГОУ ВПО «ОГУ», 2011. 152 с.
16. Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. Воспоминания о К.Э. Циолковском. М.: Айрис-пресс, 2007. 448 с.

References (transliteration):

1. Budanov V.G. Metodologiya sinergetiki v postneklassicheskoi nauke i v obrazovanii. M.: Izd-vo LKI, 2008. 232 s.
2. Budanov V.G. Sinergeticheskoe modelirovanie slozhnykh sistem // Filosofskie nauki. 2007. № 4. S. 114–131.
3. Gurevich P.S. Filosofskaya antropologiya: uchebnoe posobie. 2-e izd., ster. M.: Omega-L, 2010. 607 s.
4. Zakharov M.L. Antropologicheskie i antropokosmicheskie vozzreniya A.L. Chizhevskogo // Vestnik MG TU. 2008. T. 11. № 4. S. 732–736.
5. Zvonova E.E. O kosmicheskom soznanii A.L. Chizhevskogo // Psikhologiya i psikhotekhnika. 2014. № 2. S. 139–151.
6. Zvonova E.E. Religiozno-misticheskie vzglyady Tsiolkovskogo i Chizhevskogo v svete predstavlenii o kosmicheskom soznanii i kontseptsii kosmicheskoi igry // Psikhologiya i psikhotekhnika. 2014. № 3. S. 329–342.
7. Issledovanie A.L. Chizhevskogo «Elektronnaya teoriya i genezis form. Problema». V 2-kh ch. Avtograf. // Arkhiv RAN. 1703. Op. 1. D. 2. 224 l.
8. Istoriya filosofii: Uchebnik dlya vuzov / pod red. V.V. Vasil'eva, A.A. Krotova i D.V. Bugaya. M.: Akademicheskii Proekt, 2005. 680 s.
9. Kazyutinskii V.V. Chizhevskii kak myslitel'. (<http://library303.narod.ru/third/rebirth170.html>. (data obrashcheniya: 01.05.2014)).
10. Osnovnoe nachalo mirozdaniya // Dukhovnoe sozertsanie. 1997. №№ 1–2. S. 105–136.
11. Osnovnoe nachalo mirozdaniya // Dukhovnoe sozertsanie. 1997. №№ 3–4. S. 85–113.
12. Paskal' B. Mysli. (<http://predanie.ru/lib/book/read/78350/#toc2>. (data obrashcheniya 01.05.14)).
13. Prigozhin I., Stengers I. Poryadok iz khaosa: Novyi dialog cheloveka s prirodoi / pod obshch. red. V.I. Arshinova, Yu.L. Klimontovicha i Yu.V. Sachkova. M.: Progress, 1986. 432 s.
14. Russkii kosmizm: Antologiya filosofskoi mysli / sost. S.G. Semenova, A.G. Gacheva. Vstup. st. S.G. Gacheva; predisl. S.G. Semenova; primech. A.G. Gacheva. M.: Pedagogika: Press, 1993. 232 s.
15. Terekhov S.V. Evolyutsionnye idei v estestvennonauchnom napravlenii russkogo kosmizma (K.E. Tsiolkovskii, A.L. Chizhevskii, V.I. Vernadskii). Orel: GOU VPO «OGU», 2011. 152 s.
16. Chizhevskii A.L. Na beregu Vselennoi. Vospominaniya o K.E. Tsiolkovskom. M.: Airis-press, 2007. 448 s.